

Белинский

Создал
Ученик 8 класса
Зиневич
андрей

Биография

- Виссарион родился 30 мая ([11 июня](#)) [1811 года](#), в семье флотского врача, а позже уездного лекаря, Григория Никифоровича Бельнского ([1784—1835](#)) в [Свеаборге](#) (Суоменлинна, крепость, ныне входящая в черту [Хельсинки, Финляндия](#)), где в то время служил его отец^[1]. Раннее детство Виссариона совпало с первыми годами [Великого Княжества Финляндского](#). Впоследствии ([1816](#)) отец переселился на службу в родной край и получил место уездного врача в городе [Чембаре](#).
- Дед будущего критика по отцу был священником в селе [Бельни](#) Нижнеомовского уезда [Пензенской губернии](#), что объясняет происхождение фамилии^[1].
- Выучившийся чтению и письму у учительницы, Виссарион был отдан в только что открывшееся в Чембаре уездное училище, откуда в [1825 году](#) перешёл в [губернскую гимназию](#), где проучился три с половиной года, но не окончил курса (в то время четырёхлетнего), потому что гимназия не удовлетворяла его, и задумал поступить в [Московский университет](#). Исполнение этого замысла было очень нелегко, потому что отец, по ограниченности средств, не мог содержать сына в [Москве](#); но юноша решился бедствовать, лишь бы только быть студентом. В августе [1829 года](#) он был зачислен в студенты по словесному факультету, а в конце того же года принят на казённый счёт. При поступлении в университет будущий критик смягчил свою фамилию с Бельнский на Белинский. А в номере комнаты в общежитии, где жил В. Г. Белинский, позже стал собираться кружок студентов-разночинцев Московского университета «Литературное общество 11-го нумера», который был создан для обсуждения проблем литературно-общественной и политической жизни и чтения собственных произведений.

Университетские годы, ИСКЛЮЧЕНИЕ

- С [1829](#) по [1832 года](#) учился на словесном отделении [философского факультета Московского университета](#). Поступление в университет, помимо сдачи экзаменов, было сопряжено с целым рядом формальностей. В частности, требовалось поручительство «о непринадлежности к тайным обществам». Такое поручительство предоставил генерал [Дурасов](#) — знакомый родственников Белинского. Московский университет того времени ещё принадлежал по своему характеру и направлению к дореформенной эпохе, но в нём уже появились молодые профессора, знакомившие студентов с самой настоящей наукой и бывшие предвестниками блистательного периода университетской жизни 40-х годов. Лекции [Николая Надеждина](#) и [Михаила Павлова](#) вводили слушателей в круг идей германской [философии](#) ([Шеллинга](#) и Окена), вызвавших среди молодежи сильное умственное возбуждение. Увлечение интересами мысли и идеальными стремлениями соединило наиболее даровитых студентов в тесные дружеские кружки, из которых впоследствии вышли очень влиятельные деятели русской литературы и общественной жизни. В этих кружках Белинский — и в годы своего студенчества, и позже — нашёл горячо любимых друзей, которые ему сочувствовали и вполне разделяли его стремления ([Герцен](#), [Огарёв](#), [Станкевич](#), [Кетчер](#), [Евгений Корш](#), впоследствии [Василий Боткин](#), [Фаддей Заблоцкий](#) и другие).
- В августе 1831 года Белинский сообщает в письме родителям: «У меня открылась в правом боку жестокая колика, которую еще более усугублял сильный кашель... Я ужасно боюсь, чтобы болезнь моя не обратилась в чахотку». В начале 1832 года он находился в больнице почти четыре месяца с диагнозом «хроническое воспаление лёгких» и вынужден был выписаться недолечившись.^[2] В июне 1832 года в письме брату Виссарион сообщил, что здоровье «...почти невосвратно потеряно».^[3]
- Поддаваясь влиянию носившейся тогда в воздухе философии и ещё более — влиянию литературного романтизма, молодой студент Белинский решился выступить на литературное поприще с трагедией в стиле шиллеровских «Разбойников», заключавшей в себе, между прочим, сильные [тирады](#) против крепостного права. Представленная в цензуру (состоявшую в то время из университетских профессоров), трагедия «Дмитрий Калинин» не только не была разрешена к печати, но и послужила для Белинского источником целого ряда неприятностей, которые привели, в конце концов, к его исключению из университета в сентябре 1832 года «по слабости здоровья и притом по ограниченности способностей».^{[2][4]} Именно в это время и родился один из многих знаменитых афоризмов критика: «Сила и понимание книги в её своевременном прочтении». Белинский остался безо всяких средств и кое-как перебивался уроками и переводами (между прочим, перевел роман Поля де-Кока «Магдалина», [Москва, 1833](#)). Ближе познакомившись с профессором [Надеждиным](#), основавшим в [1831 году](#) новый журнал «[Телескоп](#)», он стал переводить небольшие статьи для этого журнала и, наконец, в сентябре [1834 года](#) выступил с первой своей серьёзной критической статьёй, с которой, собственно, и начинается его настоящая литературная деятельность.

Первая критическая статья

- Эта критическая статья Белинского, помещённая в нескольких номерах издававшейся при «Телескопе» «Молвы», под названием: «Литературные мечтания. [Элегия](#) в прозе», представляет горячо и блестяще написанный обзор исторического развития русской литературы. Установив понятие литературы в идеальном смысле и сбличая с ним положение нашей литературы от [Кантемира](#) до новейшего времени, Белинский высказывает убеждение, что «у нас нет литературы» в том широком, возвышенном смысле, как он её понимает, а есть лишь небольшое число писателей. Он с уверенностью высказывает этот отрицательный вывод, но именно в нём и находит залог богатого будущего развития: этот вывод важен и дорог, как первое сознание истинного значения литературы; с него и должны были начаться её деятельное развитие и успехи. «У нас нет литературы, — говорит Белинский. — я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов... Присмотритесь хорошенько к ходу нашего общества, — и вы согласитесь, что я прав. Посмотрите, как новое поколение, разочаровавшись в гениальности и бессмертии наших литературных произведений, вместо того, чтобы выдавать в свет незрелые творения, с жадностью предаётся изучению наук и черпает живую воду просвещения в самом источнике. Век ребячества проходит, видимо, — и дай Бог, чтобы он прошёл скорее. Но ещё более дай Бог, чтобы поскорее все разуверились в нашем литературном богатстве. Благородная нищета лучше мечтательного богатства! Придёт время, — просвещение разольётся в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, — и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа. Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!...»
- В этой первой своей статье, которая произвела на читателей очень сильное впечатление, Белинский явился, с одной стороны, прямым продолжателем Надеждина, а с другой — выразителем тех мнений о литературе и её задачах, какие высказывались в то время в кружке Станкевича, имевшем решительное влияние на развитие убеждений нашего критика. Надеждин, восставая против современного ему романтизма с его дикими страстями и заоблачными мечтаниями, требовал от литературы более простого и непосредственного отношения к жизни; кружок Станкевича, всё более и более увлекавшийся направлением философским, ставил на первый план воспитание в себе «абсолютного человека», то есть личное саморазвитие, безотносительно к окружающей нас действительности и общественной среде. Оба эти требования и были положены Белинским в основу его критических рассуждений. Их горячий тон, страстное отношение критика к своему предмету остались навсегда отличительной особенностью всего, что выходило из-под его пера, потому что вполне соответствовало его личному характеру, главной чертой которого всегда было, по словам Тургенева, «стремительное домогательство истины». В этом «домогательстве» Белинский, одарённый крайне восприимчивой и впечатлительной натурой, провёл всю жизнь, всей душой отдаваясь тому, что в данную минуту считал правдой, упорно и мужественно отстаивая свои воззрения, но не переставая, в то же время, искать новых путей для разрешения своих сомнений. Эти новые пути и указывались ему русской жизнью и русской литературой, которая именно со второй половины 30-х годов (с появлением [Гоголя](#)) начала становиться выражением действительной жизни.
- Второе литературное обозрение Белинского, появившееся в «Телескопе» через полтора года после первого ([1836](#)), проникнуто тем же отрицательным духом; существенная мысль его достаточно выражается самым заглавием: «Ничто о ничём, или отчёт г. издателю „Телескопа“ за последнее полугодие ([1835](#)) русской литературы». Но появление повестей Гоголя и стихотворений Кольцова уже заставляет критика надеяться на лучшее будущее: в этих произведениях он уже видит начало новой эпохи в русской литературе. Эта мысль ещё яснее выступает в большой статье: «О русской повести и повестях Гоголя», за которой следовали статьи о стихотворениях [Баратынского](#), [Бенедиктова](#) и [Кольцова](#).
- В [1835 года](#) Надеждин, уезжая на время за границу, поручил издание «Телескопа» Белинскому, который старался, сколько было возможно, оживить журнал и привлечь к сотрудничеству свежие литературные силы из круга близких к нему людей; по возвращении Надеждина, Белинский также продолжал принимать очень деятельное участие в журнале до его запрещения ([1836](#)), которое оставило Белинского без всяких средств к жизни. Все попытки найти работу были безуспешны; иной труд, кроме литературного, был для Белинского почти невыносим; изданная им в середине [1837 года](#) «Русская грамматика» не имела никакого успеха; наконец, он заболел и должен был ехать на воды на [Кавказ](#), где провёл три месяца. В этом безвыходном положении он мог существовать только с помощью друзей и долгов, которые были для него источником больших тревог. Это тяжёлое материальное положение Белинского несколько улучшилось только в начале [1838 года](#), когда он сделался негласным редактором «[Московского наблюдателя](#)», перешедшего от прежних издателей в другие руки. В этом журнале Белинский явился таким же неутомимым работником, каким был прежде в «Телескопе»; здесь помещён целый ряд его крупных критических статей (между прочим, подробный трактат о «Гамлете»), 5-актная [драма](#) «Пятидесятилетний дядюшка или странная болезнь», после которой Белинский окончательно убедился, что его призвание — только в критике.

- В эти годы Белинский находился под влиянием кружка [Станкевича](#), — кружка, направившего в это время все свои умственные силы на изучение философской системы [Гегеля](#), которая разбиралась до мельчайших подробностей и комментировалась в бесконечных спорах. Главным оратором кружка являлся [М. А. Бакунин](#), поражавший своей начитанностью и [диалектикой](#). Идя вслед за ним, Белинский всецело усвоил одно из основных положений Гегелевского мирозерцания: «всё действительно разумно», — и явился страстным защитником этого положения в самых крайних логических его последствиях и особенно в применении к действительности русской.
- Белинский и его друзья в те годы «жили» философией, на всё смотрели и всё решали с философской точки зрения. Это было время их первого знакомства с [Гегелем](#), [ивосторг](#), возбуждённый новизной и глубиной его идей, на некоторое время взял верх над всеми остальными стремлениями передовых представителей молодого поколения, сознавших на себе обязанность быть провозвестниками неведомой у нас истины, которая казалась им, в пылу первого увлечения, всё объясняющей, всё примиряющей и дающей человеку силы для сознательной деятельности. Органом этой философии и явился «Московский Наблюдатель» в руках Белинского и его друзей. Его характерными особенностями были: [проповедь](#) полного признания «действительности» и примирения с нею, как с фактом законным и разумным; теория чистого искусства, имеющего целью не воспроизведение жизни, а лишь художественное воплощение «вечных» идей; преклонение перед немцами, в особенности перед [Гёте](#), за такое именно понимание искусства, и ненависть или презрение к французам за то, что они вместо культа вечной красоты вносят в [поэзию](#) временную и преходящую злобу дня. Все эти идеи и развивались Белинским в статьях «Московского Наблюдателя» с обычной страстностью, с которой он всегда выступал на защиту того, во что верил; прежняя проповедь личного самосовершенствования, вне всякого отношения к вопросам внешней жизни, сменилась теперь поклонением общественному [статус-кво](#).
- Белинский утверждал, что действительность значительнее всех мечтаний, но смотрел на неё глазами идеалиста, не столько старался её изучать, сколько переносил в неё свой идеал и верил, что этот идеал имеет себе соответствие в нашей действительности или что, по крайней мере, важнейшие элементы действительности сходны с теми идеалами, какие найдены для них в системе Гегеля. Такая уверенность, очевидно, была лишь временным и переходным увлечением системой и скоро должна была поколебаться. Этому содействовали, главным образом, два обстоятельства: во-первых, жаркие споры Белинского и его друзей с кружком Герцена и Огарёва, уже давно покинувших теоретическое философствование ради изучения вопросов общественных и политических, и оттого постоянно указывавших на резкие и непримиримые противоречия действительности с идеалами, и, во-вторых, более тесное и непосредственное соприкосновение с русской общественной жизнью того времени, вследствие переезда Белинского в [Петербург](#).

Работа в «Отечественных Записках»

- Этот переезд состоялся в конце [1839 года](#), когда Белинский, убедившись в материальной невозможности продолжать издание «Наблюдателя» и бороться с увеличивающейся нуждой, вошёл, через [И. И. Панаева](#), в переговоры с [А. А. Краевским](#), и принял его предложение взять на себя критический отдел в «Отечественных Записках». С болью в сердце оставял он Москву и друзей своих, и в Петербурге долго ещё не мог освоиться со своим новым положением: его первые статьи в «Отечественных Записках» (о «Бородинской годовщине», о Менцеле, о «Горе от ума») ещё носят на себе «московский» отпечаток, даже усиленный, как будто критик хотел во что бы то ни стало довести свои выводы о разумной действительности до самого крайнего предела. Но действительность, при более близком знакомстве с нею, ужаснула его, — и старые вопросы, занимавшие его мысль, мало-помалу стали являться перед ним в другом свете. Весь запас нравственных стремлений к высокому, пламенной любви к правде, направлявшийся прежде на [идеализм](#) личной жизни и на искусство, обратился теперь на скорбь об этой действительности, на борьбу с её злом, на защиту беспощадно попираемого ею достоинства человеческой личности. С этого времени критика Белинского приобретает значение общественное; она всё больше и больше проникается живыми интересами русской жизни и вследствие этого становится всё более и более положительной. С каждым годом в статьях Белинского мы находим всё меньше и меньше рассуждений о предметах отвлечённых; всё решительнее становится преобладание элементов данных жизнью, всё яснее признание [жизненности](#) — главной задачей литературы.
- «Мы живём в страшное время, — писал он ещё в [1839 году](#), — судьба налагает на нас [схиму](#), мы должны страдать, чтобы нашим внукам легче было жить... Нет ружья, — бери лопату, да счищай с „расейской“ публики (грязь). Умру на журнале, и в гроб велю положить под голову книжку „Отечественных Записок“. Я — литератор; говорю это с болезненным и вместе радостным и горьким убеждением. Литературе расейской — моя жизнь и моя кровь... Я привязался к литературе, отдал ей всего себя, то есть сделал её главным интересом своей жизни...»
- И в самом деле, «[Отечественные Записки](#)» поглощали теперь всю деятельность Белинского, работавшего с чрезвычайным увлечением и вскоре успевшего завоевать своему журналу, по влиянию на тогдашних читателей, первое место в литературе. В целом ряде больших статей Белинский является теперь уже не отвлечённым эстетиком, а критиком-публицистом, разоблачающим фальшь в литературе. От литературы он требует возможно более полного изображения действительной жизни: «Свобода творчества, — говорит он в одной из своих статей, — легко согласуется со служением современности; для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни».